

УДК 165.0:130.2

КАК ВОЗМОЖНА ИСТИНА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ПРАКТИКАХ: КУЛЬТУРНЫЕ И КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Лазарев Ф.В.

Работа посвящена категории истины, как одной из ключевых в философских размышлениях, а именно поиску ее в судебно-правовом пространстве. Определены основные условия или предпосылки, обеспечивающие поиск данной категории в сфере права.

Ключевые слова: истина, правда, наука.

Объектом исследования выступает понятие истины в социально-гуманитарном познании. **Цель** исследования – раскрыть специфику гуманитарного подхода к понятию истины.

Категория истины всегда была одной из ключевых в философских размышлениях. О смысле этого понятия спорили уже древнегреческие философы. Симптоматично, однако, что споры такого рода в наше время стали ещё более острыми. С одной стороны, усилились атаки на понятие истины в методологическом плане, а с другой – резко возрастает её социокультурная и нравственно-правовая значимость. На последнее обстоятельство важно обратить особое внимание. Необходимо в полной мере осознать тот фундаментальный факт, что феномен истины относится не только к сфере познания, но и к различным областям человеческой деятельности вообще. Это может быть и политика, и хозяйственная деятельность, и медицина, и, разумеется, правовая сфера. Не случайно мы часто слышим сообщения о трагических ошибках медицинского, судебного, управленческого или даже педагогического характера. Возникает вопрос: какова природа такого рода ошибок, если взглянуть на эту проблему с более широкой, философской точки зрения? Можно ли аналитически выявить общие условия, позволяющие принимать верные решения и сводящие возможность ошибки до разумного минимума?

Если для сравнения обратиться к такой важной сфере познавательной деятельности людей, как наука, то необходимо сказать, что, например, в естествознании, ученый для того, чтобы обеспечить получение истины, неукоснительно руководствуется целым рядом правил, методических и методологических предписаний, совершает необходимые познавательные операции (проводит точные измерения, ставит эксперименты, применяет математические вычисления и т.п.). Все эти средства и познавательные технологии, постоянно совершенствующиеся благодаря научной практике и методологической рефлексии, позволяют ученым на протяжении многих столетий добиваться серьезных успехов в научно-исследовательской работе.

Между тем, надо признать, что в других сферах человеческой деятельности методология поиска истины разработана значительно слабее. Конечно, есть множество стихийно выработанных методов, приемов, процедур, всегда были и есть опытные специалисты, которые все эти процедуры с успехом, применяют в повседневной работе, но философски отрефлектированной методологии в этой сфере по сути нет. А между тем ее актуальность очевидна.

В предлагаемой статье мы коснемся лишь одного вопроса: проблемы истины в судебно-правовом пространстве. Что обеспечивает свободный поиск истины в правовых практиках? Каковы социокультурные, этические и законодательные предпосылки такого поиска?

Право как особый социальный институт зиждется на трёх основаниях – истине, справедливости и законодательной конвенциональности. Законодатель устанавливает правовые нормы и законы. Затем начинается практика правоприменения. Важнейшим инструментом в этой сфере является судопроизводство. Оно призвано решить вопрос: как применить правовую норму к каждому конкретному случаю правонарушения или хозяйственного спора сторон? И здесь в полной мере обнаруживается значимость истинности и логической обоснованности принимаемых решений.

В научной литературе время от времени вспыхивают споры по проблеме истины в сфере права. При этом мы встречаем и попытки подвергнуть сомнению саму правомочность применения категории истины в юридической практике. Должен сказать, что такая позиция вполне вписывается в тот глобальный процесс релятивизации, который наблюдается в культуре в последние несколько десятков лет. Процесс этот, безусловно, является губительным для современного цивилизационного развития в целом, но еще более он опасен для народов восточнохристианской цивилизации, где правовой нигилизм имеет давние социокультурные корни. Подкреплять этот бытовой нигилизм «снизу» утонченным методологическим нигилизмом «сверху», т. е., на уровне философской рефлексии, – дело сомнительное. Поэтому я позволю себе немного пополемизировать на этот счет с одним из авторов. Цель такой полемики не только в том, чтобы определенно сформулировать свою точку зрения на обсуждаемый вопрос, но и обрисовать всю сложность проблемы самой по себе.

В минувшем году в «Вестнике РФО» [1, с. 81] О.В. Петров в своих заметках выступает против возможности объективной истины в правовой сфере. Какие же аргументы выдвигает автор для обоснования своей позиции? Прежде всего мы встречаем утверждение о том, что истина в науке - нечто объективное, независящее от человека, истина в праве – вещь изменчивая, зависящая от системы права, страны, времени, обычаев и т.п. В отношении данного тезиса следует сказать, что и в науке, даже такой точной, как физика, истина зависит от тех или иных конститутивных предпосылок, например, от системы отсчета. Это значит, в частности, что на одни и те же физические события «внутренний наблюдатель» и «внешний наблюдатель» смотрят по-разному и в результате проводимых измерений получают совершенно разные данные. Но все это не исключает возможности истины в естествознании. Конечно, юридическую истину удобнее сравнить с истинами в гуманитарных науках, где момент релятивности значительно больше,

чем в естествознании. Но и этот факт большей релятивности не создает ситуацию невозможности истины в этой сфере знания.

Далее автор пишет, что участники судебного разбирательства всегда рассуждают о том, что уже произошло, а поскольку прошедшие события могут быть восстановлены только частично, «ни о какой истинности оценки таких событий не может быть и речи», говорить можно только о вероятностной [1, с. 81]. Однако мы знаем, что, к примеру, историческая наука тоже имеет дело с прошлым, но это не отменяет ее научный статус, т. е. права на получение научной истины. Кроме того, следует иметь в виду, что вероятностный подход вовсе не исключает разговор об истине. Вся квантовая механика основана на вероятностных методах и представлениях.

В другом месте автор высказывает следующую мысль: «... в суде существуют процедуры установления фактов»; а что касается научной истины, то к ней «никогда не предъявлялось требование быть полученной только в соответствии с заранее установленными процедурами» [там же, с. 81]. На самом деле, если взять не «науку в целом», а каждое конкретное исследование, то чаще всего требование к соблюдению принятых в данной «научной парадигме» познавательных и логических процедур может быть значительно более жестким, чем в праве.

О.В. Петров рассматривает и еще один аспект проблемы. Он пишет: «В суде всегда рассматриваются вопросы, допускающие двойное решение. Предпосылкой же истинностной характеристики событий всегда является однозначная трактовка произошедшего. Что касается квалификации событий, рассматриваемых судом, то данные высказывания являются оценочными. Поэтому в их основе лежат *деонтические* нормы... и к таким высказываниям не применимы характеристики истинности либо ложности. В общем виде данная мысль была высказана известным русским юристом П.С. Пороховщиковым ...: "Суд не может требовать истины от сторон, ни даже откровенности; они обязаны перед ним только в правдивости. Ни обвинитель, ни защитник не могут открыть истину присяжным; они могут говорить только вероятности"» [1, с. 81].

В приведенном отрывке по существу изложена в сжатом виде некая гносеологическая концепция. Рассмотрим ее основные положения. Прежде всего, автор смешивает два плана проблемы. Первый план – это проблема однозначности, которая, как отмечает автор, является предпосылкой истины. Но мы знаем, что, например, принцип дополнительности (который справедлив как в физике, так и в гуманитарных науках) предполагает, что один и тот же объект обнаруживает взаимоисключающие свойства в зависимости от обстоятельств. Так что неоднозначность сама по себе – не помеха для истины, поэтому не все так однозначно с тезисом об однозначности. Но от первого плана проблемы автор неожиданно перескакивает к *оценочной природе* высказываний в правовом пространстве. Но это уже совсем другая сторона дела. Если принять тезис автора о том, что в практике судопроизводства мы всецело находимся в сфере деонтологического дискурса, то все разговоры об истине отпадают сами собой. В таком случае к чему все предшествующие рассуждения? Проблема, однако, заключается в том, что указанный выше тезис в принципе не может быть принят.

Наконец, несколько слов о высказывании П.С. Пороховщикова. Последний разводит два понятия – «истину» и «правду». Такая точка зрения встречается среди

некоторых философов. Здесь не место обсуждать гносеологические тонкости этого подхода. Единственное, что следует отбросить с самого начала, то это тезис, что «правд много, а истина одна». Если, например, в каком-то уголовном деле расследуется вопрос, кто является убийцей, и при этом сталкиваются две «правды», исключающие друг друга, то совершенно очевидно, что одна из этих «правд» истина, а другая – ложь. Но насколько целесообразно такую ложь назвать «правдой» в каком бы то ни было смысле слова? Могут быть два смысла термина «правда»: 1) «правда» как синоним «истины», 2) «правда» как субъективная убежденность говорящего в том, что он высказывает истину, хотя он может при этом искренне заблуждаться. Во втором случае мы имеем дело не с гносеологической ситуацией, а с моральной и психологической. Суд действительно не может требовать от сторон истины, но только честности при формулировании своих высказываний.

Но насколько любой индивид в принципе способен в своих честных показаниях приблизиться к истине, каждый раз зависит от многих объективных и субъективных факторов (например, плохая память, мнительность, подсознательная предубежденность и т. п.). Так что мы можем законно заключить, что показания сторон могут быть лишь вероятными. Но эта вероятность может приближаться к ста процентам, т. е., быть истинной в необходимой и достаточной степени.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: в праве нельзя обойтись без категории истины, ибо имея дело и с правдивыми и с ложными показаниями, суд ищет истину и ни что другое. Можно сказать больше: с экзистенциальной и гуманистической точки зрения ни в одной сфере человеческого бытия так не важна истина, как в суде, ибо здесь речь всегда идет о судьбах живых конкретных людей. Категория истина выступает как гносеологическая и метафизическая предпосылка самой возможности *справедливости* в судебных решениях.

С философской точки зрения можно выделить пять условий, или культурных и конститутивных предпосылок, обеспечивающих продуктивный поиск истины в сфере права.

1. Процесс судебного разбирательства протекает в форме *полилога*. Эта коллективная форма поиска истины вырабатывалась веками и на практике доказала свою эффективность. Зал суда – это то место, где должна торжествовать истина и справедливость. Это особый социокультурный хронотоп со своими специфическими особенностями. Его главная черта – многомерность. Здесь есть противостоящие в конфликте стороны (истцы и ответчики), здесь есть эксперты (адвокаты), обвинители и защитники, свидетели и, наконец, судьи. Важно понять, что каждый из участников процесса занимает свою особую ролевую и познавательную позицию. А как учит интервальная эпистемология, каждая познавательная позиция задаёт свой способ видения реальности и обуславливает тем самым свою истину о рассматриваемых событиях и фактах. На первый взгляд, может показаться, что в таких условиях достигнуть общей, итоговой истины вообще невозможно. Но многовековая практика человечества свидетельствует о том, что это не так. Истина и справедливость в суде не только возможны, но и необходимы. Но при этом крайне важно, чтобы строго соблюдались все процедуры судопроизводства. Но этого недостаточно. Важным условием справедливого разбирательства является понимание всеми участниками судебного процесса

философско-эпистемологического аспекта судебных слушаний. Вопрос этот весьма слабо исследован в научной литературе. Что касается обсуждения этой проблемы с позиций интервальной методологии, то такое обсуждение вообще никогда не предпринималось.

Какие моменты следует особо выделить, когда мы приступаем к рассмотрению эпистемологического аспекта правовых ситуаций? Прежде всего, необходимо обратить внимание на следующие тезисы:

- A. Всякая истина относительна, ибо так или иначе зависит от занимаемой субъектом познавательной позиции.
- B. Если одни и те же субъекты познания находятся в одной и той же познавательной позиции, они располагают одинаковыми истинами, ибо у них идентичное видение реальности. Хотя истина относительна, она в то же время объективна, а в рамках заданного интервала рассмотрения даже абсолютна.
- C. В судебном разбирательстве стороны занимают разные познавательные позиции, следовательно, по-разному воспринимают, толкуют и оценивают одни и те же события, ибо видят их под разным углом зрения. У каждой стороны – «своя правда», свои цели и задачи.
- D. Слушая дело, судьи занимают особую познавательную позицию. Образно можно сказать так: это позиция «над схваткой». У философов более точная терминология: это – «метапозиция», позволяющая беспристрастно сравнивать позиции сторон, оценивать аргументацию, доказательную базу, непротиворечивость в рассуждениях и показаниях свидетелей. Задача судьи – опираясь на общие и обязательные для сторон правовые и нравственные нормы, найти истину, основанную на инвариантах, вытекающую из существующих законов.

Суд – это не монолог (как в театре одного актёра), и не диалог (как в споре двух учёных), суд – это *полилог*, где сталкивается множество способов видения реальности с целью найти одно единственно правильное, истинное решение. В идеале это решение должно удовлетворить всех участников, все заинтересованные стороны.

2. Второе условие – это *обеспечение подлинной независимости судей* от внешнего давления. История знает множество самых разнообразных и порой изощренных способов давления на суд. Но все они сводятся к двум типам – к воздействию представителей власти и криминальных элементов. В тоталитарных обществах независимого суда не может быть в принципе, там могут быть только частные формы независимости. В демократических странах постепенно вырабатываются механизмы правового порядка, которые призваны служить гарантией независимости судопроизводства. Однако при этом нередко возрастает опасность давления на судей со стороны преступного мира. (В последнее время, например, участились жалобы судей г. Москвы на постоянные угрозы расправы в случае вынесения ими справедливых приговоров обвиняемым за тяжкие преступления). Вопрос, как сделать суд подлинно независимым, крайне важен, и решение его представляет собой весьма сложную социально-политическую задачу.

Независимость есть предпосылка, конституирующая *свободу*. Только социально и духовно свободная личность может быть профессиональным судьей. Из жизненного опыта мы знаем, что помимо проблемы «независимости суда» в узком

смысле слова, существуют и другие важные аспекты. Известно, что ход судебного разбирательства, как правило, осложняется нежелательными моментами: человеческими страстями, случайными субъективными особенностями и целями, социокультурными установками, экономическими и материальными интересами, а иной раз и политическими факторами. Очевидно, что в цивилизованном, демократическом обществе суд должен быть свободен от всех этих внешних по отношению к поиску истины влияний. Ничто не должно влиять на правовой процесс – ни давление прессы или влиятельных людей, ни подкуп, ни дурное настроение судьи, ни отсутствие необходимого профессионализма. К сожалению, в жизни (даже в демократических странах) все эти моменты дают о себе знать. О том, как порой бывает сильно влияние социокультурных и политических факторов на решение судьи даже в странах с глубокими демократическими традициями, свидетельствует недавняя история во Франции, когда судья запрещал русской маме встречаться со своей маленькой дочкой даже под наблюдением официальных лиц. А когда такие встречи всё же разрешили, то категорически запретили маме разговаривать с малышкой на их родном языке. Всё это не только противоречит идее «прав человека», но и элементарному здравому смыслу.

Суд – тончайший по своему социокультурному замыслу и назначению социальный институт. В обществе, пожалуй, нет такого другого института, для которого проблема истины была бы столь острой и насущной, столь важной для людей. И вместе с тем, нет такого другого института, где истина подвергалась бы таким мощным атакам, такому натиску, как суд. Поэтому и государство и гражданское общество должны оберегать суд, всеми мерами способствовать его совершенствованию, его демократизации, его полноценному функционированию.

3. Третье условие – создание правового механизма, *обеспечивающего контроль* со стороны государства и гражданского общества за деятельность судей. Многочисленные примеры, постоянно появляющиеся в СМИ, свидетельствуют о том, что судья без должного и эффективного контроля за его деятельностью может принимать заведомо ошибочные решения, руководствуясь соображениями личного порядка. Поэтому нужна четко разработанная система, обеспечивающая надлежащее качество судебных решений. Во многих странах для этой цели созданы структуры, основанные на деятельности профессионального сообщества юристов (коллеги и, ассоциации и т.п.)

4. Выше мы рассматривали гносеологический (познавательный) аспект коллективного поиска истины в процессе судебного разбирательства. Однако следует иметь в виду и аксиологическую (ценностную) сторону вопроса. Дело в том, что люди в процессе поиска истины (особенно в таких многофакторных, конфликтных и экстремальных ситуациях, как суд) руководствуются не только законами логики, но и своими ценностными установками. В жизненно важных вопросах человек видит мир через призму своих потребностей, интересов и ценностей. Разумеется, это в полной мере касается и правовой сферы. Любопытно, что ценностные установки задают перспективу видения реальности не только у конфликтующих сторон, но и у судей. Хотя судья по определению занимает «метапозицию», т.е. действует строго объективно и в строго правовом поле, это вовсе не значит, что у него нет своей субъективной системы ценностей, которая часто на неявном, неосознаваемом уровне оказывает влияние на принятие решений.

Как избежать в таком случае субъективизма при осуществлении правосудия? Что может порекомендовать философ? Здесь есть только один путь – формирование у судей высокой системы ценностей, т.е. *духовности*. Последняя зиждется прежде всего на нерасторжимом единстве четырёх общечеловеческих ценностей – Истины, Добра, Красоты и Справедливости. В этом случае ценностные установки судьи будут не мешать поиску истины, а, напротив, способствовать. Другими словами, в деятельности судьи правовая сфера должна находиться в гармонической связи со сферой этоса, со вселенной духа. Морально ущербный судья не может находить истинное решение не только тогда, когда он подкуплен, но и в тех случаях, когда он искренне пытается найти верное решение по тому или другому делу, ибо существует только один способ быть на высоте своего профессионального долга – сформировать в своем сознании те этические принципы, которые неотделимы от самого *понятия судьи*.

5. Пятое условие – формирование в обществе, в культурном самосознании людей высокого уважения к личности судьи, к его статусу и профессиональным задачам. Мудрец, Учитель, Врач, Судья, Священник – великие культурные понятия и великие подвижники духа во все времена и у всех народов. У каждого своя стезя и своё служение. Их путь нелёгок. Растеряем уважение к живым носителям этих понятий, забудем высший смысл их призвания – погубим и общество, и самих себя. Некому будет исцелять больных, некому будет учить, некому будет праведно судить, некому будет утешать в беде. Вот почему, когда входит мудрец, учитель, врач, судья или священник, неся с собой своё духовное пространство, люди встают. Не из страха, а повинувшись чувству глубокого уважения и надежды – на счастье, на исцеление, на справедливость, на то, что не зря жил на Земле. Не будем забывать: речь идет не просто о людях определенных профессий, но и об исполнителях – в меру своих сил и способностей – Божьей воли на Земле.

Выводы. Конечно, каждый волен толковать смысл своей профессии по-своему. Но мы говорим о присутствии в ней истины и о её духовных основаниях. Врач заботится о нашем здоровье, и ему мыверяем тайны нашего тела, священник заботится о спасении души, и ему мыверяем тайны нашей душевной жизни. Каждый идёт к истине по-своему. Врач ищет истину через свой опыт, знания и сострадание к больному, священник – благодаря Откровению, мудрец – через многоголосицу философских споров, а у судьи есть пять шагов к истине – полилог, свобода, подконтрольность, этическая высота и вера граждан в то, что когда судья судит, его замысел чист – перед Богом и перед людьми.

И только тогда, когда все мы научимся благоговейно склонять голову перед людьми этих поистине героических профессий, когда мы введен такое отношение в культурную традицию, в нашем доме и Отечестве будут царить порядок, закон и справедливость. Чиновник будет служить людям, сын будет уважать отца, а у богатого появится совесть и он (даже если это Прохоров) никогда не поедет в Куршевель, ибо много еще сирот и обездоленных на нашей прекрасной, но многотрадальной Земле.

Список литературы

1. Петров О. В. Логика и риторика при подготовке юриста / Петров О. В. // Вестник РФО. – 2010. – №3. – С. 81.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод / Гадамер Г.-Г. [Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова]. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Лазарев Ф.В. Як можлива істина в соціально-гуманітарних практиках: культурні і конститутивні передумови // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 54-61.

Робота присвячена категорії істини, як однієї з ключових у філософських роздумах, а саме пошуку її в судово-правовому просторі. Визначено основні умови або передумови, що забезпечують пошук даної категорії в сфері права.

Ключові слова: істина, правда, наука.

Lazarev F.V. As is possible true in the social and humanitarian practice: cultural and constitutive assumptions // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 3-4. – P. 54-63.

Work is devoted to the category of truth, as one of the key in philosophical thinking, namely the search for its legal and judicial space. The basic conditions or prerequisites for providing search this category in the area of law are defined.

Keywords: truth, verity, science.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.